

Пащенко Наталия

Немузыкальная шкатулка

Николай Карильксий

Наталия Пащенко

Немузыкальная шкатулка

«Selfpub.ru»

2017

Пащенко Н. В.

Немузыкальная шкатулка / Н. В. Пащенко — «Selfpub.ru», 2017

Николай Карильский - верноподданный Британской короны, баловень судьбы, мот и страстный коллекционер прожигает жизнь не задумываясь о классовом неравенстве, проблемах рабочих и вопросах выживания в суровом мире. Его интересует бридж, театр, предметы роскоши и технический прогресс шагающий семимильными шагами по планете. Газеты - это единственный источник правды для него. Но однажды он спасает маленькую девочку из бедного квартала, которая постепенно меняет его жизнь. Книга описывает события происходящие в Лондоне в середине 19- го века.

Немузыкальная шкатулка

Всё написанное на этих страницах есть чистейшая правда, которую бы давно следовало принять за аксиому и издавать в качестве учебников истории, если не считать вымысла, конечно же. За который автор несет ответственность только перед министерством фантазеров, отделом шутов и сектором одураченного населения.

– Дорогие мои, полегче, не толкайтесь! У нас билеты, прошу вас, не нужно царапать меня, я не могу взять вас с собой. У меня пропуск только для меня и моего друга!

Так неловко и с трудом Николай Карильский, верноподданный Британской короны, пробирался к дверям всемирно известного аукциона Святого Петра. Светский гуляка, богач и просто баловень судьбы, он жадно скупал предметы роскоши с историей. Его давно уже не интересовали пустые модные штучки, он любил себя окружать особенными, неповторимыми вещами, имевшими запах истории.

В прошлый раз, два года назад, в этом месте он приобрел старинные часы. Особого интереса для всех остальных участников торгов они не представляли, поэтому Николай купил их достаточно дешево, как для богатого человека. Ранее напольные часы с боем принадлежали Арабскому шейху, для которого и были изготовлены, после маленький сын и наследник всего государства, сломал их, и часы подарили на свадебном пиру обычной паре в знак уважения вседержителя. После огромные часы остались в доме, который покинула молодая семья, а новый хозяин их продал. Это было очень давно, но Николай любил прикасаться к прошлому, которое хранили вещи его дома. История этих часов казалась Карильскому настолько завораживающей, что заставляла его, глядя на них, задумываться об особенных вещах, ранее его не интересовавших. Например, он мог, подолгу рассматривать часы, предаваясь грезам о своем родителе, которого сам никогда не видел, о матушке, баловавшей его в садике за домом, о сказках про богатырей, когда-то услышанных от кормилицы. То есть он тратил время на то, что ранее называл глупой тратой времени.

Протискиваясь на аукцион Святого Петра, очередь в который тянулась более полукилометра, в шубе и дорогих сапогах последней моды, не предназначенных для долгих прогулок, с тростью в руках, одетый как франт, Николай пробирался в толпе, рискуя войти внутрь особенного помещения ободраным и голым. Но иного пути не было. Этот аукцион славился честностью. В других местах возможны были взятки и вход с заднего двора, игра через посредников и не объявление имени при покупке, лоты могли быть перекуплены еще не дойдя до аукциона. На аукционе же Святого Петра подобного случиться просто не могло. Тем более, только в стенах этого торгового дома покупатель мог быть уверен в том, что предлагаемый ему товар соответствует заявленным характеристикам. Множество ювелиров и штатных экспертов работало над оценкой качества лотов, перед тем как выставить их на продажу. Не зря хозяин этого заведения, мистер Петерс Фронт, считался самым честным человеком не только в Лондоне, но и во всем королевстве. Вильгельм IV, еще не будучи королем Англии, как-то сказал: «Да этот Петр святой!». Это высказывание прозвучало в связи с одним случаем. Часто путешествующий Вильгельм однажды привез в Англию дикивинные камни, найденные им в Америке. Таких странных камней еще никто не видел в королевстве, и Вильгельм решил продать их на аукционе. Однако начальная цена, которую установил ювелир, была настолько мала, что Вильгельму пришлось поинтересоваться у хозяина аукциона, с чем это связано. На что в письменной форме сыну короля был дан ответ, что камни не являются драгоценными, огранке не подлежат и материальной ценности не представляют. Однако мистер Петерс Фронт предлагал их заявить на аукционе не как драгоценные, а как найденный сыном монарха в Новом Свете, что увеличивало их изначально невысокую цену.

Вильгельм был возмущен этим письмом, но так как он был не только вспыльчив, но и отходчив, в скором времени он назвал владельца аукциона святым.

Так появилась новая вывеска над дверями торгового дома, у которого вечно толпились желающие продать и приобрести. Вывеска гласила: Auction St. Peter's. Здесь честные люди платили дорого за стоящие вещи. Поэтому Николай толкался в очереди, как обычный человек, хоть в его руках и имелся билет в первый ряд. Пройти по нему оказалось сложнее, чем он думал. Тем более, что за руку он тащил маленькую девочку в зеленом пальто и светло-оливковой шляпке с перышком – именно того друга, которого можно было провести по указанному билету.

Но эта история началась далеко не в очереди, ведущей к дверям аукциона, как могло показаться читателю, а двумя годами ранее, когда Николай приобрел старинные напольные часы с загадочной историей.

А если говорить еще точнее, история началась с того момента, как Николай Карильский решил отпраздновать эту покупку. В тот день он, в очередной раз крепко перебрав в питейном заведении, вывалился из него на перекресток улиц Mindeltal и Laurasia с парой новых приятелей.

Николай праздновал замечательно обстрипанное дельце с часами. Дружба с двумя скромно одетыми джентльменами из заведения началась, как только он показал у стойки бара пухлый кошелек, то есть пару часов назад. На улице было серо и сыро.

– Зима, а с неба капает дождь! Что за черт?! – возмутился Николай, облокотившись на одного из новоиспеченных товарищей.

– Ага, – поддакнул тот.

– И не говори, что за зимы? Не то, что раньше, – поддакнул второй.

– Вот и я говорю! – продолжил Николай со знанием дела. – Я зачем шубу покупал? – и он потрусил лапами расстегнутой шубы. Плащ подошел бы больше в этом случае, но для солидности Николай носил дорогой аксессуар.

– Да! – пьяненько проговорил первый.

– Вот именно! – громко заявил второй.

– Если так пойдет дальше, – продолжал Николай, – то что же делать? Сапоги, господа, – обратился он к новым знакомцам, – тоже сказать, недешевые – в грязи, шуба мокрая... Простой портовый рабочий выглядит получше меня, а я, уважаемый человек, шатаюсь по городу, как куца собака, не имеющая будки!

– Да, – поддакнул второй.

– Конечно, – не думая, что подтверждает, кивнул головой первый.

Немного разогнав хмель на свежем воздухе, Николай поглядел на двоих сопровождающих. Он подумал о том, что пропил с ними добрую половину денег, взятых с собой, а эти негодяи говорят, что он похож на собаку.

– Что вы несете?! – прокричал он. – Я не буду слушать, как вы меня оскорбляете! Прошу вас извиниться, господа.

– Ой, извини, – без особых церемоний сказал первый.

– Конечно, кто ж хотел-то обидеть хорошего человека, – пробурчал второй. Оба не понимали, в чем виноваты и что происходит, к чему клонит обладатель тугого кошелька. Будет ли продолжение веселого вечера, вот что интересовало эту парочку. Раскошелится ли Николай на выпивку еще? Оба поддакивали новому знакомцу, лишь бы он их оставил при себе подольше.

Но обладателю дорогой шубы и тугого кошелька надоели эти двое, он начал понимать, что связался с проходимцами, и с трудом стряхнув с полы шубы цепкие руки теперь уже неприятных знакомых, неровной походкой двинулся по мостовой.

«Глупо всё как-то», – думал Карильский. До его дома на набережной оставалось всего пять кварталов, и он решил прогуляться пешком. Шуба всё равно промокла до подкладки, сапоги на тончайшей подошве вымокли полностью, ныряя в зимние лужи, по длинным кудрям стекала вода на накрахмаленный воротничок рубашки и развязанную бабочку, свисавшую с шеи. Хмель немного отпускал его, а мысли приобретали очертания. Вчера, после того, как доставили в гостиную часы, он поехал в театр, но заранее захватил с собой кошелек, зная, что домой вернется не сразу.

Каждое утро начиналось с чая, не слишком раннего, чтобы прийти в себя после ночных приключений, после по графику шла прогулка, следом приносили корреспонденцию. Чтение писем и ответы на них утомляли Николая. Позже следовал завтрак, а потом Карильский любил посещать клуб, где собирались его такие же празднующиеся товарищи, и обсудить за сигарой планы на вечер, театр, оперу, постановки, новые моды на балет, приму старого и нового спектаклей, декорации, ножки юных актрис и роскошные декольте дам из высшего общества, хорошо просматривавшиеся с его ложи... Обсуждались оперные дивы и дамы из общества, их романы и кавалеры. На балконе театра, где находилась его ложа, имелся герб. Станный, как могло показаться окружающим, но тем не менее, его хозяин был настолько богат, что о рисунке, изображенном на гербе, спорить никто не смел. Птичка, вылетевшая из клетки, красовалась на гербе. Но Николя, так в детстве звала Карильского маман, очень гордился своим происхождением, кстати сказать, титула он не имел, а герб был. Часто в клубе говорили о прогрессе, неумолимо шагавшем по Европе. Всех интересовала замена парусов на кораблях на трубы, экипажей – современными автомобилями о которых недавно начали писать в газетах, новые виды спорта, новые способы производства металла, новейшее оружие, новое искусство и производство, а также замена газовых фонарей на электрические. Встречи в клубе заканчивались обычно около шести часов вечера, после Николя обедал дома, позже посещал заранее запланированное мероприятия вроде оперы или балета, а потом, как всегда, напивался в дым.

Маман Николая была известной во всем театральном мире актрисой. Агнесса Карильская блистала на всех подмостках. Часто ее называли ведьмой. Это было связано с тем, что перед ней преклоняли колени не только любители театра, но и ценители прекрасных женщин. Агнесса была примой как на сцене, так и в жизни. Николай помнил гримерную комнату маман: и до начала спектакля, и после она была завалена цветами, кавалеры всё время толпились под их домом, и у маман часто болела голова от аплодисментов. Николай унаследовал ее осанку, грацию, густые черные волосы и голубые глаза. Однако ни петь, ни танцевать он не любил, в отличие от неё, жизнь которой протекала на балах и приемах.

Шагая неровной походкой домой Николай думал:

– Это какой-то замкнутый круг. Что за жизнь? Она не плохая, она даже отличная, я ни в чем не нуждаюсь, не прошу милостыни, не обязан горбатиться на заводах и фабриках, не стою у конвейера – новшества эпохи, имею всё, что мне необходимо и даже больше: вот, например, эти замечательные часы, жаль, что никто из моих знакомых не может оценить эту роскошь... Все гоняются за новинками, оформленными по первому слову моды и техники. Но скучно же это, как скучно не иметь истории, не уметь любоваться ею.

Еще он думал о купленном на прошлой неделе втором по счету экипаже. Вот эту покупку оценят в клубе. Все умрут от зависти, осталось только повесить герб на двери – и можно разъезжать по городу. Мадам Бронская обзавидуется, ее новый дом стоит как бы не в два раза дешевле моей новой кареты. И Николя улыбнулся ехидно.

Дорогими покупками он лечил хандру, не учитывая ежедневной инъекции алкоголя. У мадам Луизы он заказывал кружева ручной работы, когда ему хотелось чего-то нового, у мадам Галатеи носовые платки с фамильными вензелями в уголках и коклюшками вышитые манжеты, трости с головами львов, слонов, дельфинами и даже человеческой головой або-

ригена он покупал у лучшего мастера резьбы по кости Йозефа Брунштейна. Николая считали коллекционером всего прекрасного. Но всё это порядком наскучило баловню судьбы. А в последнее время даже раздражало. Всё чаще ему хотелось еще с утра открыть бутылку, а вместо броши и галстука надеть удобный домашний халат и распорядиться, чтобы никого не принимали.

До дома оставалось еще три квартала, ноги вымокли до нитки, усы раскисли на лице, ресницы не успевали смахивать дожинки.

— Два экипажа ждут своего хозяина дома, а я топаю пешком! — думал он. Но зная, в каком непотребном состоянии он часто выкатывался из питейных заведений, Николай отпускал экипаж еще до начала представления в театре, чтобы прислуга не сплетничала о поведении хозяина. Но это не помогало. Конечно же, шила в мешке не утаишь, и все от горничной до последнего поваренка были в курсе того, как прожигает жизнь хозяин.

Лужи блестели, дождь звенел, трость цокала по мостовой. Ночной город пустовал без прохожих, газовые городские фонари тускло освещали путь Николаю. Хмель практически вышел из его стройного тела, до дома оставалось около пятнадцати минут ходьбы, как вдруг баловень судьбы и знатный коллекционер услышал:

— Помогите, — голос был тихим и казался детским. Но вокруг не было ни единого человека. Николай остановился и оглянулся по сторонам. Он насторожился. И прислушался сильнее.

Очень престижные кварталы с видом на реку. Дорого или даже неоправданно дорого здесь стоили квартиры, тем более дома. Николая не понимал, почему все хотят иметь жилье именно с видом на реку, ведь на нее никто никогда не смотрит. В окна сквозит холодный ветер с реки, в этих комнатах всегда холоднее, чем в тех, что выходят на другую сторону. Чаще всего богатые обладатели здешних квартир не проводят и двух месяцев в году в комнатах с видом на реку. Но так как он сам владел таким особняком, то великодушно прощал всем окружающим подобные глупые поступки. Его дом был подарком отца, по словам матушки. Но если бы Николаю самому пришлось выбирать, где жить, он бы предпочёл менее престижный район, за городом, с парком, уходящим в лес. Конечно же, так он начал рассуждать после того, как ему исполнилось тридцать лет, а до того его вполне устраивали апартаменты в этом районе. Особенно ему нравилось, что его соседями являлись очень важные и солидные люди. С которыми, прохаживаясь по Набережной, летними днями он перекидывался парой слов и гордился тем, что с ним на равных общаются политики, деятели искусства, хозяева фабрик, директора пансионатов и послы.

— Помогите! — снова донеслось до него. Тихий голос точно звучал откуда-то с реки, Николай перешел на другую сторону улицы и перегнулся через гранитный парапет. К его удивлению, за ним он увидел девочку, что-то прижимающую к груди. Она стояла на одном из выступов каменной стены, смотрящей на ночную черную реку, и никак не могла подняться вверх по скользкому наполированному камню.

— Ты что там делаешь?! — крикнул Николай, не веря своим глазам.

— Мокну, — ответила она тихим голосом.

— Это я понял, — ухмыльнулся он. — И я мокну, но я-то для этого не полез за парапет! Погоди, я постараюсь помочь тебе.

Но как ей помочь он пока не знал, девочка находилась довольно далеко внизу. Подать ей трость? Она не достанет до нее, да и вытащу ли я ее за трость? Николай думал, пока ребенок, уже не взывая о помощи, смотрел на него, поднимая глаза вверх. Второй мыслью было позвать полицейских, участок находился совсем недалеко, но потом Николай просто снял шубу и перекинул ее через парапет.

– Хватайся, – сказал он. Девчонка немного повозилась с чем-то в руках, а потом обхватила мокрый мех обеими руками. Николай потянул за ворот дорогого мехового изделия и не без труда вытащил ребенка на мощеную мостовую.

– Ты туда зачем залезла? – спросил он, снова облачаясь в шубу.

– Я его спасала, – и девочка предъявила Николаю маленького щенка, сидевшего у нее за пазухой.

– Понятно. Давно ты тут стоишь? – разглядывая спасенную, поинтересовался Николай. Девочка была одета в большое не по размеру пальто, подвязанное пуховым платком, и сапожки, явно пропускавшие воду. На голове у нее был надет чепчик, какой дамы носят дома, занимаясь хозяйством, но никак не на улице.

– Я не знаю, – робко ответила она, переминаясь с ноги на ногу. Было видно, что ее тело затекло от того, что за парашютом двигаться было почти невозможно и оставалось только стоять, вытянувшись в нитку. – Но когда я слезла, я кушать еще не хотела, а теперь очень хочу.

Ребенок был тощенький, судя по всему, чувство голода она испытывала часто.

– Зачем тебе собака? – спросил Николай, разглядывая девочку под дождем. – Спасла и отпусти ее. Ты где живешь?

– В Бричте, – тихо ответила маленькая спасительница, но щенка не выпустила из рук.

– Это самый бедный район возле заводских стен? Он так далеко. Как ты попала сюда сама?

– Я не сама, а с братом. Мы ушли из дома.

– Почему ушли?

– Потому что там хуже, чем здесь.

– А где же брат?

– Он побежал звать на помощь в полицейский участок, когда я спускалась за щенком, и не вернулся, наверное, его забрали в детский дом.

– Почему ты думаешь, что его заберут в детский дом, а не отведут домой? – спросил удивленно Николя, но девочка упрямо молчала, не желая отвечать на этот вопрос.

– Давай, наверное, я до утра заберу тебя к себе, – задумчиво произнес Николай. – Очень уж я не хочу идти сегодня в полицию, а утром мой слуга тебя ответит, чтобы они уже занялись поиском твоего дома. Но собаку, будь добра, оставь тут.

Девочка подумала и кивнула. Щенок затопал по лужам самостоятельно. От того места, где в первый раз в действительности пригодилась дорогая шуба, удалялись двое: высокий статный джентльмен и маленькая хрупкая девочка, в своих лохмотьях похожая на шар.

Вечер закончился необычно. Придя домой с голодным ребенком, хозяин переполошил всю прислугу. Девочку направили в кухню и накормили, но Карильский этого не видел, он отправился спать, так как очень устал.

Ранним утром вопреки обычному распорядку в комнату хозяина вошла экономка и, извиняясь, сообщила, что у девочки, которую вчера изволил привести хозяин, обнаружились вши. И если он разрешит, экономка хотела бы девочку вымыть. Хозяин разрешил и, повернувшись на другой бок, хотел продолжить смотреть сны, но собачий лай этого сделать ему не дал. Пришлось встать и выйти в комнаты с видом на реку, под окнами которых разыгрывалось собачье действо. На пороге дома Николая сидел маленький щенок, именно тот, которого спасала девчонка, а на него, оскалив зубы, наступали трое больших псов.

– Наверное, он шел вчера за нами, – подумал хозяин дома. И позвал слугу.

– Под дверью сидит щенок, – сказал Николай невысокому юному Матэо. – Забери его на кухню, пусть его экономка тоже выкупает.

Имя Матэо в переводе с испанского языка обозначало дар богов, и Николай каждый раз убеждался в правильности подобранного имени мальчишке. Когда-то он его взял в дом,

для того чтобы не потерять навыки говорения на испанском языке, который освоил самостоятельно. Но мальчик оказался полезен, как кучер и сопровождающее лицо. Он прекрасно управлялся с хозяйством. Но больше всего Матэо поразил хозяина, когда, желая разбить маленький сад на заднем дворе, нашел драгоценную брошь в земле, которую Николай считал давно утраченной. Украшение принадлежало Агнессе Карильской и было подарено ей таинственным поклонником. Будучи еще ребенком, Николя нечаянно сорвал с платья маман брошь, взмахнув пухлой ручкой во время игры. Дорогая вещь сорвалась с платья в лужу, и сколько ее ни искали, найти не удалось. А по прошествии двадцати пяти лет испанский мальчишка, копавшийся в грядках, нашел украшение. Честность Матэо никогда не ставилась под сомнение Николаем после этого случая. Слуге доверяли передать деньги, облигации, записки, не менее ценные, чем деньги, и мальчишка всегда со всем справлялся.

После утренних распоряжений о щенке, отданных Матэо, хозяин приказал подать ему чай в гостиную. И взглянув на стрелки старинных часов шейха, подумал: «Весь график из-за этой девчонки нарушается». К чаю он попросил сразу же и прессу, почему бы не совместить эти два монотонных занятия? Кстати, только сейчас Николай подумал о том, что устает от чаепитий не меньше, чем от разбора корреспонденции. Через четверть часа после того, как он в домашнем халате и теплых тапочках уселся у горящего камина, в гостиную вошел Матэо с подносом, на котором красовались чашки из старинного сервиза маман, привезенного ею из России, и серебряные ложки с рукоятками из резной кости, прекрасной работы Йозефа Брунштейна. Во время церемонии чаепития обычно хозяина не беспокоили, но сегодня в двери снова вошла экономка и поинтересовалась, что же ей делать дальше с Лидией.

– С кем? – переспросил Николай, явно недовольный тем, что его беспокоят. В одной руке он держал приглашение на банкет по случаю дня рождения сына Августа-Фредерика Штальского, хозяина двух обувных фабрик и отличного игрока в бильярд, во второй чашечку индийского чая.

– С Лидией, – повторила экономка. – Так зовут ту девочку, что вы привели вчера ночью.

– А как зовут собаку? – по тону и манере беседовать было ясно, что хозяин не намерен ничего решать в этот момент и считает, как минимум, бесцеремонным беспокоить его по столь мелким вопросам.

– Мы не знаем, – растерялась экономка мадам Фирс, очень давно служившая в этом доме, и настолько редко нарушавшая распорядок дня хозяина, что сейчас даже не знала, как реагировать на его гнев. – Возможно, вы дадите ей имя, – предположила мадам, пожав плечами.

– Если это кобель, назовите Николаем, если сука – Люси.

– Хорошо, – сказала экономка, присев в неглубоком реверансе. Она была очень удивлена выбором имени.

– Мадам, я шучу, вы же не думаете, что я захочу оставить собаку? Отведите в участок обоих! И собаку, и ребенка – пусть полиция занимается поиском родных девочки. И не нужно меня больше беспокоить по этому поводу.

– Но, сэр, – возразила тучная дама. – У Лидии нет дома.

– Не далее, как шесть часов назад, – взглянув снова на часы шейха, грозно сказал Николай, – эта особа сказала мне, что она родом из Бричта. Значит, там ее дом, или она мне лгала?! Если это так и она все-таки врала, выставьте ее просто на улицу. Даже не отводите к полицейским.

– Нет, нет, сэр, – поспешила успокоить вспыльчивого хозяина мадам Фирс, – она не врала вам нисколько, просто это не дом, а место под крышей фабрики, было до вчерашнего дня. Пока ее отец там работал. Но его выгнали, потому что посчитали слишком слабым, а мамы у нее нет.

– Так пусть ищут ее отца! Она сама сказала, что сбежала с братом. Вот пусть и вернут ее обратно. И не нужно делать из мухи слона, мадам!

– Но, сэр, – наклонив голову чуть ниже и все-таки упорно продолжая этот разговор, экономка добавила: – Отец сам прогнал от себя детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.